

Наконец Офелия нашла то, что искала, — алюминиевую пластинку. На ней были выгравированы те же арабески, что украшали Книги Духов Семей, — код, изобретенный Евлалией Дуаль, который по сей день не был расшифрован. Эта пластинка с дырочкой посередине — следом ружейной пули — была единственной вещью, оставшейся от старика-уборщика из Мемориала. Офелию начинало тошнить при одном лишь воспоминании о нем. Он оказался одним из Духов Семей, хранителем прошлого Евлалии Дуаль, и он же смертельно напугал Офелию. Ее спас сын Бесстрашного-и-Почти-Безупречного, желавший отомстить за погибшего отца. На ее счастье, он целился старику в лоб, к которому была прикреплена пластинка. Пуля пробила выгравированный код, и старый подметальщик мгновенно исчез, растаял, как дурной сон. Исчезла жизнь, заключенная всего в нескольких строчках... Когда Офелия рассказала Торну эту историю, та ему очень не понравилась.

Она выбросила пластинку за решетку, в пустоту. Алюминий блеснул в воздухе последний раз, перед тем как исчезнуть в облачной бездне, там, куда канули несчастные обитатели этого края ковчега.

И тут Офелию обожгла мысль о ее поддельных документах. *Евлалия*. Она бездумно выбрала это имя — то самое имя, которое принадлежало ее противнице. Более того — ее иногда осаждали странные воспоминания. Так где же начиналась память Евлалии и где кончалась ее собственная? Как ей существовать в настоящем, если ее прошлое — такая безнадежная головоломка? Как мечтать о будущем, если окружающий мир рушится на глазах? И можно ли чувствовать себя свободной, если ее жизненный путь обречен скреститься с путями Другого? Да, она выпустила его на свободу — и теперь готова была нести за это ответственность, но винила их обоих — Евлалию Дуаль и Другого — в том, что они отняли у нее шанс стать самой собой.

Офелия дунула на туман, чтобы его разогнать. Она не упустит ни одного следа, на который укажет ей вторая память. Ведь история Евлалии, Другого, Духов Семей и нового мира началась на Вавилоне. И пусть кругом всё рушится, но она, Офелия, не покинет этот ковчег, пока не раскроет все его тайны до последней.

И она решительно отвернулась от зияющей пустоты.

Совсем рядом кто-то стоял. Какая-то тень, почти неразличимая в тумане.

Странно, власти ведь очистили квартал от людей. Давно ли этот кто-то находится здесь? Неужели он подслушал то, о чём недавно говорили Торн и Офелия? Или же какой-то человек просто пришел погреться на место недавней катастрофы?

— Здравствуйте?..

Тень не ответила, но медленно направилась к завесе тумана. Офелия дала ей отойти подальше и стала красться следом, пробираясь между силуэтами покинутых палаток. Может, у нее просто разыгралось воображение, но, если этот любопытный (или любопытная?) действительно их подслушивал, хорошо бы по крайней мере знать его в лицо.

После обрушения от Большого рынка пряностей осталась лишь половина. Автомат для раздачи прессы, не получивший подзарядки, застыл в центре площади, как статуя, воздев руку с зажатой в ней вчерашней газетой. Самым пугающим в этом безмолвии были тихие звуки, которые Офелия никогда не уловила бы в обычное время. Журчание воды в сточной канаве, жужжание мух над продуктами, брошенными на прилавках. Ее собственное дыхание. Но при этом — ни единого шороха со стороны тени, которая уже исчезала впереди.

Офелия ускорила шаг.

Внезапный порыв ветра разогнал туман, и она вздрогнула при виде своего отражения. Еще миг, и она врезалась бы в витрину магазинчика.

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ. ЗЕРКАЛА

Офелия тщетно озиралась, глядя сквозь очки во все стороны, — вокруг не было ни души. Тень ускользнула от нее... ну что ж, тем хуже.

Она подошла к магазинчику. Хозяин, видимо, напуганный обрушением, сбежал, даже не заперев дверь. Изнутри доносился тихий бормоток невыключенного радиоприемника:

— ...у нас в редакции газеты «Официальные новости». Гражданин, вы стали одним из немногих свидетелей трагедии... трагедии, которая обрушилась на Вавилон вчера утром. Расскажите всё нашим слушателям.

— Я до сих пор не верю тому, что видел... Но всё же я это *really*⁵ видел... Или, скорее, нет, не видел, а... Вообще-то сложно объяснить...

— А вы просто расскажите всё как было, гражданин.

— Ну, я пришел на свое место и начал расставлять палатку. Дождь лил как из ведра. Прямо разверзлись хляби небесные... да, хляби. Мы все даже подумали: не свернуть ли нам торговлю? И вот тут я вдруг почувствовал... как бы икоту.

— Икоту?

— Ну, будто кто-то икнул... такой легонький толчок. Я ничего не увидел, не услышал, но ощутил... да, именно ощутил...

— А что случилось потом, гражданин?

— Потом я понял, что все другие тоже его ощутили, толчок этот. Мы все повыскакивали из палаток... да, из палаток. И — вот ужас-то! Гляжу, а соседняя палатка... она исчезла! Бесследно исчезла, а на ее месте одни облака. Как подумая, что это мог быть я...

— Спасибо, гражданин. Дорогие радиослушатели... слушатели, вы слушаете передачу на волне газеты «Официальные новости». Светлейшие Лорды запретили движение... движение в северо-западном секторе города в целях вашей безопасности. Они настоятельно рекомендуют вам ни в коем случае не читать подброшенные листовки, грозящие нарушить общественный порядок. Напоминаем также, что в настоящее время в Мемориале организована перерегистрация... перерегистрация...

Офелия не стала слушать дальше, ее раздражали эти повторы. Прежде они были крайне редки, еще два дня назад почти не встречались, а теперь то и дело перемежали все программы. Лазарус как раз перед своим новым путешествием заявил, что «это — ключ ко всему». Вдобавок он сообщил Офелии, что она *аномальна*, как и он сам; что он исследует ковчеги по заданию Бога и что создает автоматы, дабы усовершенствовать окружающий мир, сделав его совсем уж прекрасным. Словом, Лазарус говорил без умолку и нес бог знает что, зато ему принадлежал красивейший дом в центре города, где расположились Офелия и Торн.

---

⁵ Реально, на самом деле (*англ.*).

Офелия устремила пристальный взгляд в витрину. В последний раз, когда она проходила сквозь зеркало, ей удалось совершить огромный прыжок в пространстве, как будто ее семейное свойство созрело и укрепилось вместе с ней. Возможность проходить сквозь зеркала спасала Офелию во многих безвыходных ситуациях, но для мира было бы куда лучше, если бы она в самый первый раз воздержалась от этого. Ах, если бы ей удалось точно вспомнить, что произошло в том зеркале ее детской комнаты! От встречи с Другим у Офелии остались только жалкие крохи воспоминаний. Чье-то присутствие за ее отражением... Чей-то призыв, разбудивший ее среди ночи...

Освободи меня...

Ну вот она его и освободила, только куда он подевался и под какой личиной выступает теперь? Никто из ее знакомых — ни на Аниме, ни в других местах — не говорил о появлении такого удивительного создания.

И вдруг Офелия изумленно вытаращилась: в зеркале на витрине что-то было не так. Она стояла там в своем шарфе, хотя отлично помнила, что оставила его в доме Лазаруса. Строгий вавилонский дресс-код запрещал ей выходить на люди в цветной одежде, и она подчинилась, чтобы не привлекать к себе внимание. Но главное, она увидела в зеркале нечто другое, пострашнее. Ее тога была вся в крови, очки вдребезги разбиты. Она умирала. Там же виднелись, хотя и смутно, Евлалия Дуаль и Другой, а вокруг них царила пустота.

— Ваши документы, *please*⁶.

У Офелии замерло сердце; она обернулась. Перед ней стоял стражник с властно протянутой рукой.

— Этот сектор закрыт для гражданских лиц.

Пока он изучал фальшивые документы Офелии, она испытала новый шок: отражение в зеркале вернуло себе нормальный облик. Никакого шарфа, никакой крови, никакой пустоты вокруг. Когда Офелия жила на Полюсе, у нее уже бывали подобные видения. Сперва неясная тень, потом ее отражение — может, она стала жертвой галлюцинации? Или, хуже того, чьих-то происков?

---

⁶ Пожалуйста (*англ.*).

— Анимистка в восьмом поколении, — констатировал стражник, возвращая ей документы. — Стало быть, вы нездешняя, *miss* Евлалия!

Патрулирование сектора, близкого к месту обрушения, явно действовало на него угнетающе. Его длинные уши акустика тревожно вертелись во все стороны.

— Но у меня есть постоянное место жительства, — возразила Офелия. — Я могу идти?

Стражник бросил пытливый взгляд на ее лоб, словно искал на нем какой-то знак.

— Нет. Вы нарушили приказ. Разве вы не слышали объявление? Вы обязаны явиться в Мемориал для перерегистрации. *Now*⁷.

Подпись

Трамаэро был набит под завязку, однако Офелии удалось кое-как туда втиснуться: стражник успел втолкнуть ее внутрь за миг до закрытия дверей. Она не могла и шевельнуться, чтобы не наступить на чью-нибудь ногу. Воздух был раскален, а запах дыхания пассажиров перекрывал даже зловонное дыхание гигантских химер на крыше вагона. Где-то в давке захлебывался плачем грудной младенец. Люди, окружавшие Офелию, выглядели одинаково подавленными. Зачем всех везут в Мемориал? Где причина внезапной перерегистрации тех, кто не является коренным жителем Вавилона? Как это связано — и связано ли? — с разрушением ковчегов? Несмотря на тревогу, никто не осмеливался задавать вопросы вслух. Офелия размышляла о том, что вокруг нее наверняка стоят выходцы с Весперала, Зефира, Корполиса, Пломбора, Ситэ, Тотема... Все изобретения, которыми пользовались в городе, были делом их рук, плодом их совместных усилий, начиная с этого вот трамаэро, в котором они сейчас задыхались и который всё никак не мог тронуться.

Люди были сильно встревожены, но Офелия — больше других. Ей, с ее поддельными документами и задачей воспрепятствовать

---

⁷ Здесь: немедленно (*англ.*).

вселенскому бедствию, уж никак нельзя было проходить перерегистрацию. Отражение в зеркале магазина, то ли реальное, то ли мнимое, потрясло ее до глубины души.

Прижатая к застекленной дверце вагона, она разглядывала толпу, в панике суетившуюся на перроне. Какой-то торговец обматывал веревками ковры на своей тележке; пожилая дама с трудом протискивалась между людьми, таща за собой коляску, набитую детьми; посреди улицы бестолково метался зебу, мешая проходить людям. И ведь все они бежали не просто так: квартал оказался на самом краю пропасти, а дальше зияла пустота. Им было страшно... И любой из них в этой толпе вполне мог оказаться Другим.

Внезапно на улице появился робот на велосипеде. В высшей степени оригинальное зрелище — безглазый, безносый и безгубый автомат накручивал педали, врезаясь в толпу, а из его живота доносился хриплый голос, записанный на пленку:

— Выпалываю сорные травы... травы, чищу медную посуду... посуду, кладу заплатки на сандалии... сандалии... и никогда не устаю. Нанимайте меня, и вы избавитесь от угнетения человека человеком!

Сквозь стекло Офелия встретила взглядом с мужчиной на перроне: он сидел на чемодане, явно слишком тяжелом для него, и выглядел загнанным беженцем, не знающим, где он проведет ближайшую ночь. Вдруг он крикнул, обращаясь к Офелии и к ее соседям по вагону:

— Найдите себе другой ковчег! Оставьте Вавилон вавилонянам!

Трамаэро наконец отошел от перрона. Офелия чувствовала себя совершенно разбитой, и не только из-за воздушной болтанки. На протяжении всего маршрута она старалась не смотреть вниз, в пустоту под морем облаков. И облегченно вздохнула, когда дверцы вагона раскрылись на площади перед Мемориалом.

Подняв голову и поправив очки, она обвела взглядом это фантастическое сооружение, напоминавшее одновременно и маяк, и библиотеку. Такое колоссальное, что оно полностью подмяло под себя маленький ковчег, оставив место лишь для нескольких кустов мимозы. Здесь, в его стенах, Офелия провела много дней, а иногда и ночей, составляя каталоги, проводя экспертизы, классифицируя материалы, пробивая карточки.

Здесь она была почти дома.

Гвардейцы Поллукса выкрикивали приказы:

— Освободите вагоны, *please!*

— Пройдите вперед, *please!*

— Подождите, *please!*

Едва пассажиры вышли на перрон, как толпа граждан, уже прошедших регистрацию, ринулась внутрь, чтобы вернуться в город. Каждый из них носил на лбу какой-то странный знак.

Офелия словно попала в капкан, угодив в нескончаемую очередь под жгучим солнцем. Как же она завидовала стоявшему за ней дряхлому водолею, который наколдовал себе маленькую тучку над головой!

Долго, бесконечно долго стояла она возле статуи обезглавленного солдата, такой же древней, как и всё остальное. Мемориал существовал еще в эпоху древнего мира — тот самый Мемориал, где Евлалия Дуаль воспитывала Духов Семьи. Не здесь ли она встретила с Другим? И не здесь ли они сообща задумали Раскол? Мемориал носил следы этой катастрофы. Тогда одна его половина обрушилась в пустоту, но была восстановлена дерзким архитектором и теперь гордо высилась над морем облаков. Всякий раз, глядя на Мемориал, Офелия спрашивала себя: как его творец ухитрился придать этой башне такую устойчивость?

И вдруг всё исчезло из виду. Порыв ветра прилепил к очкам Офелии оранжевый листок с речовкой:

Мы будем пить! Мы будем курить!

Мы не признаём запрета!

Мы готовы любую бузу заварить,

Чтоб отпраздновать конец света!

Офелия перевернула листовку. На оборотной стороне была напечатана только одна фраза:

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К ПЛОХИМ ПАРНЯМ ВАВИЛОНА!

Бесстрашный-и-Почти-Безупречный погиб, но его сторонники продолжали великое дело своего вождя.

Один из стражников вырвал листовку из рук Офелии и приказал:

— Входите, *please!*

Она наконец прошла в двери Мемориала и, как всегда, в первый момент почувствовала себя совсем крошечной в сравнении с гигантским вестибюлем, с просторным атриумом, вертикальными воздушными коридорами-трансцендиями, читальными залами, висевшими под потолком, глобусом Секретариума, парившим под куполом, но, кажется, больше всего — в сравнении с тысячами книжных полок, сокровищницей знаний. Однако едва первое угнетающее впечатление прошло, Офелия ощутила себя возвеличенной всеми этими страницами, этими неслышными голосами, казалось, шепчущими ей, что и она имеет право возвысить свой собственный голос.

Длинная людская река разделилась на несколько потоков, которые текли в глубину атриума. Немногочисленные мемориалисты, которых Офелия замечала на верхних этажах, крались на цыпочках, отводя глаза, словно стыдясь того, что эта перерегистрация проходит здесь, у них. Офелия стала высматривать среди них Блэза, но сразу поняла, что его тут нет: бедняга-рассыльный был таким невезучим, что его присутствие никогда не проходило незамеченным. Зато здесь обнаружилось множество роботов, которые расхаживали взад-вперед по залу с портативными пишущими машинками.

После нескончаемого ожидания настал и черед Офелии. Она невольно охнула, когда разглядела за стойкой тоненькую стройную предвестницу с пышными рыжими волосами, небрежно забранными в конский хвост.

Элизабет.

Она была командиром ее роты предвестников. Офелия ценила своеобразный характер этой молодой женщины и восхищалась ее умом, но порицала за слепую преданность элите ковчега. И если поддельные документы Офелии покажутся Элизабет подозрительными, ее нипочем не растрогаешь.

— Вот и ты опять? — спросила она вместо приветствия, когда настала очередь Офелии. — Добро пожаловать к стойке мигрантов Вавилона.

Как всегда, она говорила без намека на улыбку. Ее набухшие серые веки нависали над глазами, как абажуры. Веснушкам не удавалось

скрыть бледность лица. Сейчас Офелия, долго простоявшая на солнце, была похожа на вавилонянку куда больше, чем она.

— Ты не очень-то презентабельна, — заметила Элизабет, указав своей авторучкой на вспотевший нос Офелии.

— Да и у тебя вид не блестящий, — отбрила та.

Возразить было трудно: Элизабет всегда выглядела неважно. Она недоуменно подняла брови, явно шокированная тем, что Офелия обратилась к ней на «ты», но вспомнила, что та ей уже не подчиняется, и позволила себе расслабиться.

— Нам запрещен макияж, мы обязаны выглядеть абсолютно натуральными во время отправления своих обязанностей. Ну-ка предъяви мне документы, Евлалия, и я проверю, насколько *ты* у нас натуральна.

— А что происходит? Почему нас всех здесь собрали?

— М-м-м? — протянула Элизабет, оторвав взгляд от документов, которые она изучала. — Светлейшие Лорды решили провести обязательную перерегистрацию для всех мужчин и женщин, прибывших на Вавилон меньше чем десять лет назад. И, уж можешь мне поверить, их тут видимо-невидимо! — объявила она, флегматично указав на длиннейшие вереницы людей, которым не было конца. — Я добровольно вызвалась помогать. Конечно, временно. Скоро я узнаю, куда меня переводят. Я уже получила несколько предложений.

В данный момент будущее Элизабет волновало Офелию куда меньше, чем ее собственное. Фальшивые документы ей изготовил Арчибалд — как всегда, спустя рукава, приклепнув печать не там, где надо. Одного этого уже было достаточно, чтобы разоблачить подделку.

— Но почему? — настойчиво переспросила она. — Почему Лорды нас перепроверяют?

— А почему бы им вас не перепроверить?

Такого уклончивого ответа следовало ожидать: Элизабет, даже после получения своего последнего звания, не входила в число информированных лиц. Однако тот факт, что Светлейшие Лорды организовали столь масштабное действие на следующий же день после

обрушения ковчега, непреложно свидетельствовал: это не случайное совпадение. Тут явно затевалось что-то недоброе.

— Элизабет, — шепнула Офелия, перегнувшись через стойку, — ты не знаешь, были ли обрушения еще где-нибудь, кроме Вавилона?

— М-м-м? А откуда я могу это знать?

— Но ты же предвестница.

По бесстрастной мине Элизабет Офелия поняла, что не получит ответа. Ей требовался более осведомленный источник. И она оглядела соседние стойки.

— А Октавио тоже здесь?

Сейчас Октавио был нужен Офелии не как сын Леди Септимы, принадлежавшей к вавилонской знати, а просто как человек, которому она доверяла — хотя это было довольно странно, если вспомнить, что они с Октавио искренне ненавидели друг друга во времена их учебы в «Дружной Семье».

— Октавио начал работать на полставки в «Официальных новостях», — ответила Элизабет. — И нам не положено делиться с тобой информацией. Сейчас я буду задавать тебе вопросы, чтобы заполнить твоё досье, а ты отвечаешь, коротко и четко.

И Офелия подверглась такому допросу, какого доселе не знала. Когда она прибыла на Вавилон? С какой целью здесь поселилась? С какого ковчега пожаловала? Каким семейным свойством владеет? Каково ее нынешнее место работы? Имела ли судимости? Страдал ли кто-нибудь из ее родственников заболеваниями — инфекционными и психическими? Как сильно она привязана к Вавилону, по шкале от одного балла до десяти? Какие сладости считает своими любимыми?

Офелия давно уже готовилась к расспросам о ее вымышленном происхождении, но сейчас ей пришлось напрячь все силы, чтобы спокойно отвечать Элизабет. Тем не менее она с трудом сохранила самообладание, заметив приближение необычной пары. Во всех длинных очередях воцарилось благоговейное молчание: люди перестали шептаться, выказывать нетерпение, зевать и кашлять. До сих пор Офелия видела Генеалогистов только издали — на церемонии вручения наград, которая проходила тут же, в Мемориале, — но сейчас

без труда узнала их: они были в золоте с головы до ног. Даже их волосы и лица сверкали позолотой. Они шествовали улыбаясь, прижавшись друг к другу и держась за руки, словно прогуливались по парку.

У Торна была назначена с ними встреча, однако его рядом не оказалось, и это встревожило Офелию. Может, он ждет ее, как они и условились, в доме Лазаруса? Она очень надеялась, что на него свалилось меньше неприятностей, чем на нее.

Генеалогистов сопровождала юная девица из Семьи фараонов, которая испуганно вздрагивала всякий раз, как один из них касался ее руки или что-то шептал на ухо.

Офелия вся сжалась, увидев, что они направились в ее сторону. Почему среди множества стоек Мемориала они выбрали именно эту?

Подойдя, Генеалогисты с двух сторон наклонились к Элизабет.

— Что делает обладательница премии за совершенство на таком скромном посту? — спросил мужчина.

— Вы произвели революцию в базе данных Мемориала, притом единолично! — подхватила женщина. — Привлекать такого компетентного человека для этой примитивной работы просто неразумно, гражданин!

Элизабет, обычно невозмутимая, сейчас явно растерялась. Она встала по стойке смирно и произнесла традиционную формулу «Знание служит миру!», но Генеалогисты положили ей руки на плечи, заставив сесть.

— Не прерывайтесь из-за нас, юная *lady*⁸. Просто скажите: подумали ли вы над нашим предложением?

— О, я... я не успела...

— Достаточно простого «да», — сказала женщина.

— Это ведь прямо по вашей части, — сказал мужчина.

— И вы тем самым окажете большую услугу городу! — хором заключили они.

Офелия не понимала, о чём идет речь, но втайне порадовалась, что она не Элизабет, увидев, как та внезапно побагровела. Сейчас,

---

⁸ Леди; вежливое обращение к женщине, обычно благородного происхождения (*англ.*).

когда Офелия могла рассмотреть Генеалогистов с близкого расстояния, их лица под золотой пудрой показались ей странными — они выглядели пупырчатыми, как гусиная кожа.

— *In fact*⁹, сначала я выбрала должность постоянной ассистентки Леди Елены, — почтительно ответила Элизабет. — Если бы не она, я оказалась бы на улице; я обязана ей каждым из моих галунов.

Генеалогисты обменялись заговорщицкими взглядами.

— Это, конечно, *very*¹⁰ трогательная история, гражданка, но ваша работа в Наблюдательном центре также напрямую связана с Леди Еленой. Приняв наше предложение, вы будете ей несравненно полезнее.

Бесстрастное лицо Элизабет горестно сморщилось. Офелия покосилась из-под очков на юную фараонку, но та делала вид, что этот разговор ей безразличен, и стояла пристально рассматривая свои туфли. Офелии было нетрудно определить ее роль в этой загадочной беседе. Врожденное обаяние фараонов позволяло им незаметно влиять на эмоции других людей, внушать доверие. Как правило, они работали в больницах, помогая успокаивать пациентов, но эта девушка явно не имела отношения к медицине.

— Тебе не обязательно решать прямо сейчас! — вырвалось у Офелии.

Она не смогла удержаться от предупреждения, видя душевные муки Элизабет, но ей тотчас пришлось пожалеть об этом. Генеалогисты, до сей минуты не удостоившие ее ни единым взглядом, грациозно обернулись к Офелии. Их ресницы были также покрыты золотом.

— Вы собирались что-то сказать, *miss*? — спросил мужчина, изучая фальшивые документы Офелии.

— Вы, кажется, хотите внести в свое досье какие-то поправки? — подсказала женщина, поглаживая ее свидетельство о рождении.

Они оба внушали Офелии такую глубокую антипатию, что она на всякий случай отступила подальше. Когда они с Торном

---

⁹ Здесь: вообще-то, честно говоря (*англ.*).

¹⁰ Очень (*англ.*).

заклучили брак, каждый из них получил семейные свойства другого, и ей достались его когти, когти Драконов. Ее собственные свойства были безобидными, зато когти мужа играли с Офелией дурную шутку, когда она гневалась. Генеалогисты ее не знали, но она-то знала их, видела насквозь. Они не желали добра своему городу, они желали стать тем, чем стала Евлалия Дуаль. Однако Офелия понимала, что должна сейчас выглядеть жалкой ничтожной иностранкой, иначе она сильно навредит и Торну, и самой себе.

И она проглотила вместе со слюной свою гордость и свои свойства.

— Нет.

— Ну так как же? — настойчиво спросили Генеалогисты, повернувшись к Элизабет. — Вы принимаете наше предложение, гражданка?

— *Milady, milord*¹¹, я... я почту за честь.

Женщина вынула из декольте свернутый контракт и разложила его на стойке. Мужчина протянул Элизабет ручку-самописку.

И она подписала документ.

Генеалогисты по очереди прошептали на ухо Элизабет сладкими голосами: «*Good girl!*»¹² — и удалились, рука в руке, в своих развевающихся золотых плащах; юная фараонка следовала за ними на почтительном расстоянии. Офелия вдруг почувствовала, как у нее пересохло во рту, пока они стояли рядом.

Элизабет вытерла вспотевший лоб, к которому прилипли волосы.

— Я... я, наверно, слишком поторопилась... подписать.

— А что это за предложение? — спросила Офелия.

Но тут поднялся возмущенный гам. Теперь, когда Генеалогисты скрылись из виду, все стоявшие в очереди громко выразили неудовольствие задержкой, а старик водолей пригрозил наколдовать грозу.

— Это тайна, я не имею права говорить о ней, — пробормотала Элизабет, которая всё еще не пришла в себя. — Да, кажется, я и вправду поспешила...

Она так растерянно моргала, что Офелия прониклась к ней жалостью.

---

¹¹ Миледи, милорд; обращение к титулованной особе (англ.).

¹² Хорошая девушка, умница (англ.).

— Это фараонка постаралась.

— Надеюсь, ради твоего же блага, что ты не то имела в виду! Никто мной не манипулировал! — строго объявила Элизабет, возвращая Офелии документы. — Ведь речь идет о Светлейших Лордах! Так что твое обвинение в высшей степени преступно, тем более что оно исходит от особы, чье досье весьма сомнительно. Имей в виду: тебе придется предстать перед судом!

Не дав Офелии опомниться, предвестница перегнулась через стойку и с размаху поставила ей штамп на середину лба.

— Я пошутила. Пока что у тебя всё в порядке. Осталось пройти медкомиссию, а потом можешь отправляться домой.

Дом

— Ну вы по меньшей мере неординарная личность!

Офелия, сидевшая на табурете, близоруко щурилась, пытаясь разглядеть смутно маячившее перед ней лицо врача: для обследования глаз ей пришлось снять очки, и единственным, что она ясно видела, были его зрачки, блестящие в полумраке. Множество походных медицинских кабинетов было спешно оборудовано в помещениях множительной техники на втором этаже Мемориала. Офелия сидела в одном белье среди мимеографов, циклоstileй и ротаторов. Без очков и перчаток *чтицы*, лежавших сейчас вместе с ее одеждой и прочими вещами на крышке ксерокса, она чувствовала себя совершенно незащитной.

Элизабет сказала, что у нее *пока* всё в порядке. Это «пока» очень тревожило Офелию. А вдруг выяснится, что ее досье не соответствует критериям вавилонской администрации? Дневной свет за окнами уже начинал меркнуть, но обследование продолжалось. А Офелии нужно было поскорее встретиться с Торном.

— Я могу идти? — спросила она. — Меня ждут... в другом месте.

Врач придвинулся к ней поближе. Его глаза визионера, яркие, как лампочки, превосходили точностью любые медицинские приборы. Он ни разу не прикоснулся к Офелии с момента ее прихода, даже давление ей не измерил, но что-то в его взгляде вызывало тревогу.